

Любовь ЦАРЬКОВА

г. Нарьян-Мар

Как сказал поэт...

(Север в русской поэзии)

Край белых ночей издавна вдохновлял сказителей и поэтов. Сколько стихов написано о северном сиянии, снегах, выюгах и льдах – вечном круговороте природных явлений. Немалое их число посвящено мореходам, поморам, труженикам, «распахивавшим» не только морские просторы, но и земные поля, возводившим сёла и города. Люди давно освоили эти суровые места, свободные и привольные.

Тема Севера представлена достойным художественным наследием. Лучшие образцы русского поэтического искусства – стихи десятков архангельских, вологодских и других северных поэтов, в том числе и ненецких – Василия Ледкова, Алексея Пичкова и Прокопия Явтысого. Своеобразие национального поэтического мышления, близость к первобытной природе и глубокой национальной традиции позволили им говорить от имени родной земли. Поэтам удалось в слове показать Север, тундру, а не просто описать их. Живые слова, спаянные крепкой рифмой, говорят сами за себя: «эту песню у ветров подслушал утром», «на родном я скажу языке песни те, что звучат в роднике...»

Кроме этого, в прозе Бориса Шергина наиболее полно запечатлена поморская культура. Его язык настолько поэтичен, что цитируется в эссе (как и многие стихи – часто без указания авторов, чтобы не нарушать вязь повествования. Пусть будет – «как сказал поэт»...). Отправимся в путешествие по северной земле – за литературными и иными открытиями...

Михаил Ломоносов в «Размышлении о божием величии при случае северного сияния» представлял себя «искрой в вечном льде» и «песчинкой в морских волнах...». Что человек, даже такой великий, перед бездной ночного неба, полною звёзд,

символа беспредельности мироздания? Небеса озарены «пожаром среди зимы», как называет «аврору бореалис» великий помор. Заполярное небо выступает как апофеоз величия Промысла Господнего. Вселенная – его творение:

*Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков...*

Край земли, Заполярье, становится в поэзии (и в жизни?) местом, наиболее приближенным к Богу, символом вечных вещей, к которым люди стремятся с постоянством птиц, прилетающих сюда весной... Тему величия и святости Севера, открытую в торжественном стихотворении Михаила Ломоносова, продолжают «знахари созвучий» всех поколений. Они воспевают этот суровый край. По существу, все произведения на эту тему – это хвала, молитва. Недаром этимологически «Север» означает – «се вера».

«Да светятся снова те края!» Каких только метафор не находится, каких эпитетов не даётся! Север – синий, бескрайний, вечный, мудрый, прекрасный... Здесь всё золотое – солнце, небо, вода, лес... У людей – золотые руки и «златые мечты»: ищут в море золотую рыбку. Золотисты приполярные и заполярные дали при свете солнца, а зимние ночи озаряются иным светом, романтическим и необычным. Игра ярких сполохов в ночном небе – символ особого статуса этой земли. Для переменчивой игры света нашлись метафоры: «полярные цветы», «электрическое пламя», «живая цветная дуга»...

Зимняя тьма, когда «всю полярную ночь напролёт горят колючие звёзды» – отдельная тема в стихах... Контрасты особенно резко проявляются в высоких

широтах: свет и тьма, зима и лето. Всю зиму – ночь, всё лето – день. «И тьма – как будто бы от света, и свет, как будто отблеск тьмы».

А лето!.. Стихи Страны Белых ночей вдохновлены землей, близкой к Полярному кругу и самим Заполярьем. Кольский полуостров, Карелия, Ладога, Прионежье, Беломорье, Нижнепечорье, Зауралье... и дальше – через всю Сибирь за Аляску! Везде можно воочию любоваться «светлым дивом севера», когда белыми ночами смешиваются две зари в одну... «Отсвечивают окна румянцем несгорающей зари». Уникальное явление поэты называют «тайной тайн», «немеркнувшей роскошью света». «Мир излучает легкое свечение, как будто бы мерцает изнутри» и нет теней, нет сумерек, нет звезд... Словно «растворяются тяжкие думы и тревоги» и тогда «верится в жизнь незакатную, как эта жемчужная ночь...».

*Спит озеро без вдоха, без движенья
Иль только дремлет, поджидая сны.
Лес на свое глядит отображенье
В оцепененье белой тишины.*

Это мир радостной прелести жизни. Вспоминают слова Велимира Хлебникова: «взлететь в страну из серебра, стать звонким вестником добра...» Не здесь ли находится эта страна? Символ святости – первозданная чистота: «так белизна вокруг чиста, так даль светла и осиянна». На белом-белом Севере, без края – снега, вечные льды... «Тундра в белом тумане, как в пламени белом...» А когда солнце растопит снег, реки вернутся в свои берега, чистые реки, текущие в океан среди реликтовых лесов и тундр. Их водяные брызги – словно искры серебряной волны. В ключах хрустальных студеная бодрость водички – колдовской, наговорной. Она живая, живительная. Атмосфера Страны Белых ночей, Белой Державы, «холодных, чистых красок торжество». Даже летом в тундре белые, как снег, ягельники покрывают землю... Южнее белеет цветущая черемуха весной да «иней белых рябин» ложится на зеленые ветви... Зеленый, желтый, красный... эти цвета в круговороте природных явлений быстро уйдут, снова все станет белым (уже от снега) долгой зимой. «Белизна глядит надменными зрачками...»

*Следы от нарт
Поземка вмиг залижет –
И все потонет в снеговом дыму.*

Природа, как одушевленное существо, поддерживает чистоту. Не от этой ли белизны – чистоплотность поморов, жителей берегов Белого моря и Кольского полуострова? (Настоящий помор руки

моет поминутно, как сообщает Борис Шергин.) Физическая чистота – основа чистоты нравственной...

Зиму на Севере многие любят больше, чем лето. Радует морозная свежесть, когда щеки горят весенних румянее роз и сердце гонит кровь быстрее. Приливают силы: а вокруг – ковер снеговой, атласные снега. Поэт восклицает: «Морозная ночь, полнолунная ночь, ты сил богатырских полна...» Не оттого ли тут рождаются богатыри? А злые стихии – холод, мороз, оборачиваются совершенно другими своими качествами. Они делают настоящих людей сильнее. Василий Ледков сказал об этом просто, ясно:

*Мне, охотнику, путь не страшен:
Кровь бьет, как сотня ключей.
Лисица, – сиянья полярного краше,
Лежит на моем плече!*

Он вспоминает: «До костей прожигали мне тело ветры злые, жестокий мороз, но душа моя не загубела, только дух в ней могучий пророс».

Устав от зимы, люди верят, что «солнце с весной сквозь выюги торопится к нам», принесет новые силы. После богатырского сна тронутся могучие реки, хлынут вешние воды, а зима на льдинах в океаны уплывет. В помолодевших лесах послышится радостное птичье пенье.

*Околдован я не зря
Птичьим пеньем на рассвете...
Может быть, из песен этих
Родилась моя земля.*

Отношение к окружающему миру земли, воды, тундры, тайги у северян особенное, а новый год для многих начинается с весны, когда все рождается сызнова. А уж как оживает душа поэта! Сколько чувств просыпается, какие слова, плывущие по волне грядущих весен, просятся на бумагу!

Отступили на короткое время холода, и в воздухе разлилась атмосфера нежности, легкости... Здесь даже сумерки легки. Этот приполярный феномен – редчайшее явление, малоизученное и описанное, но знакомое внимательным северянам. Тончайшая позолота зари, ароматный воздух, неизъяснимая атмосфера прекрасного повсюду:

*Холмы утопали
В сиреневой дымке
И вешней красе,
Серебряной грудью
Озера дышали,
И солнечный зайчик
Скакал по росе.*

Первозданность мира ощущается тут особенно остро: «передо мной – молочный, свежеснесенный, в пуху еще, шар земной». Поэты щедро рассыпают метафоры: «запылали зарей полярные маки...», «сапфирами лучатся васильки», «травяной изумруд в скатном жемчуге рос». Они отмечают даже «след русалочьих волос на волне зеленоватой...». Нет конца пышным эпитетам, красочным образам. Да что – слова, даже такие проникновенные... Разве выразишь в них все волшебство и великолепие раннего лета?

«Душа согрета касаньем трав и запахом цветов...» Лето пахнет «прохладой трепетных берез», а «на тучные травы жемчужные нжутся росы». Тут реки действительно синие, луга истинно зеленые: это покосы – пожни, все великолепие флоры, вырвавшейся от ледяного плена. «Веет основным духом с берегов...»

*Нехожеными кажутся леса,
Бездонными – озёрные затоны,
Неслыханными – птичьи голоса,
Невиданными – каменные склоны.*

Быстро сменяются краски тёплых дней. Вместо белоцветья морошки уже желтеют сочные ягоды. А потом на болоте созревает клюква. Плоды её словно рубины, а у жимолости они как аметисты. Люди приходят за этим богатством по лесным тропинкам, которые будто «закладки к сказкам». Лето ушло, оставив щедрый урожай... Задули осенние ветры.

Переменчивость – в характере северной природы. Что может быть переменчивее ветра? Сколько имен у восьми поморских ветров! Сиверко, полуночник (ветер с полуночи), матушка летняя, шелоник (юго-западный ветер)...

Стихнут ветры, и снова наступит тишина. Поросшее мхом и лишайником, это пространство дремлет веками, а тишина бывает и впрямь как в храме божьем... У того, кто умеет слушать эту «колокольную тишь», отмечается все суетное, обнажается суть... Тишина сменяется гулом ветра, срывающего последние листья. Прошла осень – золотая, багряная, рыжая... После «стоветровых листопадов» на серых стволах деревьев остались голые ветви да где-то тёмнеет зелень хвои, «будто ельниками выпилено небо».

Осеннее ненастье отображено темой вечной борьбы могучих полярных стихий: неистового ветра, буйного моря; земли и океана: «на крутые берега острова из багряного гранита... напирает Ледовитый». Дали, где море и суша сшиты серебряной пеной, скоро сровняются однообразной снежной пеленой, а вольные воды будут скованными и непод-

вижными... Улетели птицы в чужие страны, а в море наступают дни гнева и мрака:

*Надвигается тьма,
Стужа злая.
Белых сватов зима
Засылает.*

...Воистину, космический холод и мрак завладеют этим миром, но жизнь тут идёт своим чередом. Песцы «строчат свои следы на полянах», а куропатки – летают или спят в снежных чумах прочных. Человеку огонь не даст озябнуть. Огонь в очаге, огонь в крови, огонь в сердце... Каждый народ, этнос прежде всего, «вписывается» в свой климат и ландшафт.

На Севере обживали не место, а пространство. Где найдёшь такую, как здесь, бескрайность неба, тундры и северной тайги? «Уж коли лес, тайга без края, за ней студёный океан...» «К нам дороги Ягою мерены лет полсотни назад клюкой, и клюка её здесь потеряна...» «Все леса, леса, вплоть до полюса...» «Реки – сравнялись с моря шириной». Не это ли величие, бескрайние дали и близость к Богу так притягивают сюда людей? «Как этот край к душе пристал!», «какой неистовый магнит на Север дальний манит души?»

Испокон веков люди здесь искали свободу, волю, добро, чудо. Земля принимала удалецкие силы со всей Руси, всех, кому по плечу была трудная бурная жизнь. Это край земли, на котором нашли свое счастье тысячи людей: сюда бежали от раздоров и смут, от крепостного рабства – свободно трудиться, свободно молиться Богу. Земля такая, что «здесь поместятся целых восемь государств». Можно гордиться тем, что эти просторы обжиты россиянами, которые когда-то освоили Аляску. Неведомое, жажда человеческая невиданных открытий манили полярных следопытов, исследователей и мечтателей. Сюда «слетаются ветры из всех неоткрытых Америк...». Самый восточный край России – мыс Дежнёва, вечный памятник русских побед. Семён Дежнёв «с неослабленной душой» приплыл сюда (за столетие до Петровских времен, когда по воле государя Витус Беринг и другие отправились на штурм северных морей).

Памятник Петру I стоит сейчас над Двиною, на окраине северной России... Русские поморы «летописцы морей седых» – уникальное этническое явление – появились более чем за шесть столетий до Петровского времени. Борис Шергин описывает грамотность простых мореходов: у каждого была записная книжка с лоциями Гандвика (песенное название студеного Белого моря) и Батюшко-Океана, где отмечали время приливов и отливов, перемену

морских течений, всю премудрую двинскую грамоту, необходимую хорошему штурману. Именно поэтому ладьи, кочи и карбасы шли по «твердому курсу, по воде, как будто посуху»!

Известны старые поморские рукописные книги. Самобытна философия поморов, их морской устав – свод поморских законов. Иногда двинскую грамоту знали женщины. У Бориса Шергина описан случай, когда поморянка встала за кормщика и благополучно провела отцовский карбас с далёкого промысла в родную гавань. Но в основном, как сказал поэт, «у причалов исконно родных мне мерещатся русые бороды зверобойщиков, предков моих». Удачные морские вожди шли на своих лодьях – больших трёхмачтовых судах – на Мурман, в Скандинавию, на Грумант (Шпицберген) и Матку (архипелаг Новая Земля), знали морские пути в Данию и Голландию. Выходя в море, поморы по старинному обычаю делали рулевой поворот на восток, в честь солнца.

Грамоте детей учили в семье: отцы находили для этого время зимой, в передышке от промысла, обычно по вечерам, вернувшись с верфи или из мастерской. В поморских домах встречались отличные самодельные модели парусных судов. Дети мастерили деревянные парусники, свои любимые игрушки.

В столетних корабельных династиях всё мастерство переходило от отцов к детям.

*Тугоствольные сосны
Цвета меди
Слоили они и секли,
Смоль варили
Да шили
Быстролетные корабли...*

Читаешь такие строки – и видишь поморский род за семейным столом... «Мы распахнуто живём», – в мирском согласии, взаимовыручке. Счастье – прийти из морозного простора в тёплый дом. Или кораблю – приплыть в удобную гавань. А там поморы встретят жёны верные. Покорность детей, скромность жены – неотъемлемые качества в поморских семьях. «И девушек таких вот, строгих, милых... не найти больше нигде...» На свадьбу поморянки нередко наряжались в старинный наряд, расшитый скатным жемчугом (которого было в реках немало). Платье получали от матерей, а тем он доставался от бабушек.

С детства впитывалась народная культура: «полотно под песню прядено, под сказку соткано». Так естественно осуществлялась преемственность поколений... Уважение к обычаям предков – краеугольный камень всей жизни. «Вы оставили нам в наследство не одни морские пути – деловитость,

жажду странствий, отзывчивость сердца в широченной, как карбас, груди...»

И потомки проходят ту же проверку, закалку, крещение Заполярьем: «Не всем дано перешагнуть полосу вот этой параллели». Север в людской судьбе выявляет суть и совесть человека. «Но крепость и волю дарует борьба, но дух возвышает она...» Выходить один на один с морем, тайгой сможет человек, лишённый дурной прыти, умеющий делать то, что нужно и вовремя. Он – внимателен, собран, не суетлив. Это ещё более важно на корабле: музыка моря сурова, её надо чувствовать, быть в ладу со стихиями. «Служение стихиям не терпит суеты». Это хорошо знают на Севере стойкие люди, чья рука тверда. Северная стать – особенная, у северян кровь по жилам бежит скорей. Некоторые до сих пор владеют издавна передаваемыми из поколения в поколение приёмами хатха-йоги: с помощью специальных дыхательных упражнений собственной волей заставляют расширяться кровеносные сосуды, тогда на любом морозе голыми руками достают рыбу из сетей часами. Рыбаки, охотники чувствуют себя в северном ландшафте вполне комфортно.

Красота народа – это прежде всего физическое и нравственное здоровье. Такие элементы бытовой народной культуры, как баня, северная печь, в немалой степени способствовали тому, чтобы люди вырастали крепкими: «как лучшие врачи, лечили боли от простуды печные кирпичи»; северная банька, «пар и берёзовый веник выпарят хвори до доньшкка». Поговорка: баня парит, баня правит.

Быт северных народов приспособлен к суровым природным условиям, да так, что злой мороз ничем. В мороз под 20 градусов даже сейчас у нас в Заполярье говорят «тепло», а когда меньше десяти: «совсем тепло»... Детей не заставишь носить варежки и шубы.

Снежная даль – родная стихия простым людям и поэтам: «как свищет ветер в упряжке жизни! не быть на свете конца кочевью!» Для таких людей движение, бодрость и крепость духа – естественное состояние. Умение быть счастливыми без тепла, да и добывать его, стало генетической особенностью... «Если в груди твоей доброе сердце стучится – иди и не бойся: приветлив и мягок мой снег. И в тундре с тобой ничего никогда не случится. А солнце и в полночь взойдет для тебя, человек».

Жили и работали, имея на сердце только хорошее. А у добрых мастеров – всегда живой и бодрый дух, потому что трудом подключаются к источнику энергии, дающему неисчерпаемые силы. И тогда рабочая сметка превращается в истинное творчество. Даже плотницкое ремесло искони тут искусство:

*Не топор, перо жар-птицы
полюхает в моих руках.
Ярок высверк его и росчерк –
Будто молния у плеча!*

Топором рубили избы, делали доски, из которых шили лодки и корабли (в отличие от доски, изготовленной при помощи пилы, такая доска не пропускает воду). Лодки, избы были сделаны без единого гвоздя. Прочность на века сочеталась с красотой. Окна и крыши искусно украшали деревянным кружевом. И получались «не дома – из гулких сосен трема». Топор-кудесник возводил города, где «храмы врезаны в синь», как знаменитые Кижы, воистину – «храмы, возведённые мечтой».

«Сказку рубил деревенский топор», чтоб «вечно народ хранил красоты достоянье».

*И высится брёвен крылатый шатёр,
Как песни застывшие звуки.*

Да и теперь на Севере не перевелись носители национальной культуры, мастера. Родившиеся под северной звездой, даже цветы топором делать умеют. И это, поверьте, вовсе не топорная работа! Букеты изящны и тонки, как знаменитые северные «птицы счастья»... Не чудо ли – вся Северная Русь неоглядная, ненаглядная: Беломорье, Двина, Ладога, Заонежье, Заозерье, Зазеркалье... Каргополь, как Акрополь... Легендарные приполярные города, не менее древние села, которым больше полтысячи лет: «деревушка стоит, как стояла, словно каменный город Москва».

«Как резвое дитяtko», церковь в Матигорах, «играясь, запрятала за спину колокольню»:

*Парят над землёй купола...
Даже тяжесть былых столетий
Приземлить их полёт не смогла.*

Чудо и сказку, грандиозность обыденного в русском национальном космосе можно встретить не только в былинах, но и в перекличке стихов современных: «А у нас на Мезени златороги олени, а у нас на Мезени – виноград по лесам», «А у нас на Печоре – и в прудах молоко...» В этой сказочности – доля истины. Предоставим слово поэту Валентину Кочетову: «Есть поселок такой – Золицица, говорят, там сказка отдыхает...»

*Полыхают золотые кроны,
Золотые мечутся метели,
У рябин – рубиновые кроны,
Чем не королевы, в самом деле!*

*А над ними – зори золотые,
И по солнцу в золотой руке.
Золотом ли, солнцем налитые,
Ходят рыбы важные в реке.
А река слезой бежит по камушкам
И ложится золотом на мель.
Не сюда ли приходил Иванушка
За пером за тридевять земель?..*

Феномен полярного притяжения – отличительная особенность этих мест: «Я б уехал – не навечно же прирос! Только держат крепко веточки берез, только ведаю: по-нашенски, как тут, ветер сиверком нигде не называют».

Почему возвращаются птицы «из индийских стран»? Крылатые летят туда, где родились... А люди?.. Не получают ли они тут второе рождение, своеобразную инициацию, крещение? Север лечит души, дает необычайно сильный приток энергии. Поэт говорит:

*Мне поныне душу лечат
И в глазах рождают блеск
Речь степенных,
Сильных речек,
Перелесков переплеск.*

Всем, кто мужествен, терпелив, трудолюбив, он становится родным. Здесь найдется дело каждому. Как сказки-были, растут заполярные города, по большому бездорожью мчатся поезда, прибавляются в жизни тепла и света. Здесь ночь за ночью, день за днём народный дух пылал огнём – «в согласии с добром судьбой, в борьбе с судьбою злой».

В северных стихах значима тема человеческой любви и красоты. Здесь «каждая деревня так любя, как будто в ней – красоты всей вселенной». Узорочье северных изб дивно, словно сном срубы рубятся, с кружевными подзорами. Это красота, которую люди создают своими руками. Порой она величественна, естественно вписывается в ландшафт.

Но красота северной природы завораживает ещё сильнее. Почему, даже покидая эти места, сердце люди обычно оставляют тут? Север не отпускает, и многие скажут: «Здесь постоянная прописка моей души». Можно бесконечно любить реку или глухие озёрные затоны. Природа здесь, более чем где-либо, воспринимается как святыня. «Иду забыться в этот храм просторный к иконостасу розовых берез...» «Вхожу, как в храм, в берёзовую рощу», говорят поэты-северяне.

Даже деревья тут необычные! Их стволы закручены силой вьюги шальной (как некоторые судьбы...). Владимир Солоухин пишет о карельской берёзе:

*Просветлённые дни, словно птицы – пролётом,
Промелькнули – и не от зимы до зимы
Мы суровой природы придавлены гнётом,
Где бы просто расти – извиваемся мы.
О стволах, как свечах, не мечтаем по давню,
О какой уж мечтать прямизне и красе:
Все в буграх и узлах, в чёрных все бородавках,
Перекручены все, переверчены все.
Утешаться ли нам? Говорят, древесина,
Если мы попадём под пилу и топор,
Древесина у нас уникально красива,
За узором – узор, за узором – узор.
Тот оттенок её золотист или розов,
Полировки её драгоценная гладь:
Вот во что отложились ветра и морозы,
Как страданья поэта ложатся в тетрадь.
Всё, что было жестокостью, стойкостью, болью,
Золотыми словами сверкает с листа.
Утешаться ли нам, что суровая доля
По конечному счёту и есть красота?*

Природа – храм, а слово, слово-песня, как «маленький кремль», как сказал когда-то Осип Мандельштам.

В фольклоре, да и в современной литературе сберегается величие народной души. «Песни силой иступлённой налиты». Былины – киевские, новгородские, издавна сказываемые на Севере, многое дали и стихотворцам. «Войско песен поведу... в поединок» – не просто слова. Поэты становились воинами. Противостояние злым стихиям, заклинание их чарами серебристых слов – их призвание.

Авторы в своей воспитанной «книжности», обладая «первородными впечатлениями», обращаются к природным стихиям, к ключам, призывая их к сотворчеству. «А песня-река пусть сердца ваши моет...» Поэтическое слово тут, на Севере, всегда было в особой чести. «В спелом слове – огневая сила». Без Слова – будет ли народ? Великий помор, крестьянский (и царский) сын Михайло Ломоносов, соцветья слов «доставал из глубин – так добывали в реках жемчуг». Не он ли дал «российской музе крылья, нашёл слова, звучащие, как медь!» Русский язык – могуч здесь, как великая река, а песня – надёжный парус:

*Сказки-песни поёт колыбельные
Детям, внукам и правнукам их,
И видать, потому и не лопнула
Связь, что тянется сквозь времена.*

Удивительная энергия поэтических строф переходит к читателям. А откуда черпают её поэты? Истинный поэт верит своему внутреннему слуху, передаёт людям песню ветра, душу тундры, реки: «слуху по-

верь – и сольются сразу её волна и твоя строка». Взаимодействие духовного и материального, стихийного и человеческого, слова и дела и настраивает на лад жизнь, особенно тут, на Севере.

Здесь естественным образом обретают мудрость, немногословность: «Не к месту сказанное слово замерзает на лету». Не потому ли люди тут – сильные, степенные, спокойные, ладные. Они сумеют найти верный путь в посвисте жизненной пурги. Всё по плечу им, ведь они родились «за пазухой у ветра». «Все мы братья – сыновья метелей», причастившиеся к потоку мудрости, красоты и силы. В северной поэзии – как ни в какой другой – сильна тема взаимопроникновения стихий и человеческого духа:

*Море к ним спешит,
Их дружбой очень дорожит,
И на его руках-волнах
Качаться вечно нам.*

Одушевлённые стихии – море, ветер, лес, тундра – не слепо безразличны к человеческой судьбе, они соучаствуют людям.

*Речка Нерута – ледяной глоток,
От меня сегодня снова вдалеке.
Где-то на озёрах бьётся твой исток,
Словно жилка синяя на моём виске.
Серебрит мне волос каждый новый день.
Жизнь бежит, как речка, речка Нерута.
Носит гордо голову золотой олень.
Жизнь – ещё не взятая с боем высота.
Я ещё мальчишка, только было детство.
Ничего не знаю о своей судьбе.
От тебя мне, речка, никуда не деться,
Без меня, наверно, не журчат тебе.*

Творчество Алексея Пичкова, любимого поэта нарьянмарцев-нижнепечорцев, – яркий пример свободы и ясности слова:

*Летят олени, словно стрелы.
Красив их бег, как птичий лёт.
А по равнинам белым-белым
Луна, как девушка, плывёт.
В панице светлой, сшитой мудро
Из синевы и ярких звезд.
Кто говорит, что нынче в тундре
Горит и властвует мороз?
Я много видел, много знаю.
Махни, метель, своим крылом.
Я только здесь и оживаю,
Твоим, земля, живу теплом.*

Источник духовного богатства – в единении с родной природой, с народом, с его культурным наследием. Философ Даниил Андреев открыл Небесную Россию – простирающуюся над Европейским Севером, легендарную страну, где живут её великие заступники. Мария Авакумова говорит в своей книге «Ночные годы»: «Север... там лишь виден свет». Именно тут – сияющий источник Духа. Поэзия прославляет Страну Белых Ночей, всё самое лучшее в которой – не отражение ли истинной красоты Страны Небесной? «Кроме свойства родины, есть в России что-то ещё выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной» (Н.В. Гоголь).

Духовное единство, так образно запечатлённое в стихах, не залог ли сохранения Севера: природы, человека? Многозеркальность стиха соответствует многоплановости мира, неведомого, но реально существующего...

Неисчислимы природные сокровища Севера. В подземных кладовых – руды, драгоценные камни, месторождения угля, газа, нефти и других полезных ископаемых. «Ты – огня хранитель, славный Север!» – восклицает поэт. Действительно заполярные газ и нефть сейчас не обогревают ли полмира?

Но невосполнимы и неисчислимы богатства... Более того, их добыча губит хрупкую северную природу, и на первое место в новом веке выходят проблемы сохранения тундры, полярных животных и растений и, конечно, традиционного уклада жизни.

В стихах звучит тема сохранения Севера: «Не всё ещё потеряно, я верю...» Неужели прекрасные

вдохновенные строки, воистину, молитвы во славу Севера, не будут иметь чудодейственной силы, приущей испокон волшебному слову? Хотелось бы в это верить. И тогда –

*Бездумная жадность исчезнет,
Исчезнет лихой самосуд,
Как волосы после болезни,
Леса твои вновь отрастут.*

Да будет вечен Север!

* * *

Эссе о северной поэзии «Как сказал поэт...» сделано практически без ссылок (недаром говорится: «как сказал поэт»). Цитируются авторы: Алексей Пичков, Николай Тряпкин, Юван Шесталов, Всеволод Рождественский, Вадим Беднов, Людмила Щипахина, Василий Ледков, Константин Случевский, Анатолий Левушкин, Юрий Кузнецов, Игорь Северянин, Виктор Боков, Сергей Марков, Лидия Теплова, Майя Борисова, Александр Яшин, Николай Кольчев, Маремьяна Голубкова, Виктор Кочетков, Александр Романов, Николай Журавлев, Сергей Орлов, Виктор Цыганов, Анатолий Ольхон, Борис Шергин, Николай Малышев, Василий Туманский, Владимир Высоцкий, Ангелина Прудникова, Сергей Викулов, Евгений Токарев, Николай Рыленков, Василий Шамшурин, Василий Шелыгин, Валентин Кочетов, Николай Рачков, Владимир Солоухин, Лев Куклин, Велемир Хлебников.



Любовь Викторовна ЦАРЬКОВА
(творческий псевдоним Северина) родилась в Туле.
Окончила Ленинградский горный институт,
работала геофизиком в ООО «Нарьянмарсейсмозведка».
В настоящее время – заведующий отделом
литературного творчества «Этнокультурного центра
Ненецкого автономного округа».
Автор книг: «Три философских эссе»,
«Эссе о северной поэзии и прозе»,
«Ботанические экскурсии в окрестностях Нарьян-Мара»,
«Печорский травник».
Редактор альманахов литобъединения «Заполярье»
и русского текста в детском журнале «Пунушка»;
составитель, редактор и дизайнер более 120 книг и брошюр,
изданных этнокультурным центром.
Награждена Почётной медалью оргкомитета проведения
Года литературы в РФ «За особый вклад в книжное дело» (2015).
Публиковалась в журналах «Двина», «Аврора» и других.
В журнале «Север» публикуется впервые.

